

Глава II

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД МОГИЛЬНИКА КЮЛЯЛАХТИ

Анализ погребально-поминальной обрядности является одним из важнейших направлений в исследовании древних культур. Археологический материал обладает своей спецификой, но для изучения многих ранних обществ остается основной категорией источников.

Во всех известных на настоящий момент могильниках, связываемых со средневековой карелой, представлен исключительно грунтовый обряд захоронения без каких-либо, по крайней мере различимых сейчас, наземных сооружений. Принято считать, что могильники, принадлежавшие этому населению, занимают либо склоны возвышенностей, преимущественно южной ориентировки, либо их вершины [Schwindt 1893: 188; Кочкуркина 1982: 41; Uino 1997: 55]. Это правильное, но все же слишком обобщенное заключение. Гораздо важнее то, что карельские грунтовые могильники эпохи Крестовых походов (XII–XIV века) и позднее размещались именно на невысоких возвышенностях в определенном типе ландшафта. Естественно, в этом случае могильник будет находиться либо на склоне, либо на вершине. К сожалению, состояние полевой документации Т. Швиндта не предоставляет полной возможности для изучения внутренней структуры могильников. Вполне вероятно, что так называемые «могильники на склонах» представляют собой всего лишь раскопанные части более крупных могильников, занимавших целый холм, в том числе и вершину.

Полевые наблюдения над топографией могильников, проведенные на современной территории как России, так и Финляндии, позволяют сделать вывод о том, что выбор естественной возвышенности под будущее кладбище был определен далеко не случайными обстоятельствами. Во-первых, грунт должен быть мягким, чтобы была возможность выкопать относительно глубокую яму, достаточную хотя бы для того, чтобы засыпать тело умершего. В условиях ледникового рельефа, особенно в Северном Приладожье, где повсеместно присутствуют выходы древнейших гранито-гнейсов, это не простая задача. Во-вторых, полевые наблюдения позволяют сделать вывод, что во всех случаях с места могильника открывается вид на какую-либо водную поверхность — озера, реки или залива. Представляется, что это неслучайно и связано с определенными религиозными или эстетическими представлениями древнего населения. Надо полагать, что место регулярного кладбища не должно находиться в непривлекательном ландшафте, в глухом лесу,

скалах, болоте и т. п. Оно, естественно, было вынесено за пределы поселения, может быть, даже за водную преграду, хотя бы символическую, например ручей. В-третьих, могильники расположены на интенсивно использовавшейся аграрной территории, многие из них найдены при распашке полей. С оговорками для интерпретации можно привлечь наблюдения этнографов, поскольку речь все же идет о генетически родственном населении. Такие наблюдения показывают, что в XIX веке карельские общины традиционно имели отдельное кладбище для каждой деревни, которое могло быть расположено как на ее околице, так и в центре. Более того, каждая группа родственников могла иметь собственное кладбище или собственную отдельную территорию на общем деревенском кладбище [Paulaharju 1924: 162, 166; Konkka 1985: 63]. То есть речь идет о родовых могильниках. Существующие археологические данные объективно не противоречат описанной ситуации. Наличие «коллективных» захоронений, открытых Т. Швиндтом, в одной могильной яме, причем разновременных, прямо свидетельствует о существовании традиции своего рода семейных склепов [Schwindt 1893: 17, 67].

Все вышеуказанные характеристики расположения могильников полностью соответствуют ситуации в Кюлялахти. Могильник был обнаружен на наиболее возвышенной и одновременно относительно плоской северо-западной части холма Калмистомяки, ограниченной достаточно крутыми скалистыми обрывами. Существует еще ряд дополнительных черт, характеризующих ситуацию в Кюлялахти. Дело в том, что сама довоенная деревня с таким названием существовала на противоположном от средневекового могильника холме, приблизительно в 0,2 км к северу от него. У подножия холма Калмистомяки, у его северо-западного склона, на поле находился хутор, принадлежавший семье Уккола. Именно ее представители впервые обнаружили человеческие кости при рытье погребка. На противоположном от могильника берегу безымянного ручья располагался хутор Аатинмяки. Но на самом холме Калмистомяки, несмотря на его чрезвычайно удобное положение, никаких долговременных строений не было, только С. Пяльси упоминает кузницу, но ни ее фундамента на поверхности, ни каких-либо ее следов за время раскопок обнаружить не удалось. Возможно, это было легкое деревянное сооружение.

Из этих наблюдений следует вывод о том, что местные жители знали о существовании кладбища на этом месте и старались не использовать его территорию под строительство или значительные земляные работы. На это же указывает и микротопонимия: само название холма — Калмистомяки — и мыса при впадении ручья в Ладожское озеро — Калмистонниэми (буквально «кладбищенский мыс»). Знание это могло существовать не только в силу устойчивости традиции, но и потому, что на поверхности были заметны могильные западины, ориентированные по линии запад—восток, которые отметил в своем отчете С. Пяльси. То, что они не были сnivelированы на протяжении столетий (хотя бы вследствие выпаса скота на этом месте), связано с особенностями погребальной обрядности

могильника. Очевидно, что С. Пяльси и местные жители довоенного периода видели не столько могильные западины, сколько слегка заметные овальные каменные оградки над погребениями и несколько пониженные участки поверхности внутри них. Можно представить себе, что и в эпоху Средневековья каждое последующее поколение жителей этих мест также имело представление о том, где находятся могилы погребенных предыдущего поколения, поскольку были видны оградки из камня. Следовательно, при совершении каждого последующего захоронения место предыдущих не нарушалось. В некоторых случаях даже стенка оградки более раннего погребения могла быть использована как стенка следующего. В результате образовывались отчетливые регулярные ряды захоронений. В силу этих обстоятельств подавляющее большинство погребений могильника Кюлялахти оказалось ненарушенным.

НАДМОГИЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ МОГИЛЬНИКА КЮЛЯЛАХТИ

Принципиально важным открытием для изучения погребальной обрядности стало обнаружение в рассматриваемом могильнике многочисленных (всего 55) надмогильных сооружений, представляющих собой вытянутые, овальные в плане оградки из крупных валунов в один ряд, расположенные по периметру могильной ямы (рис. 7, 8, 9).

По краям оградки, чаще всего юго-западному и северо-восточному, располагались более крупные камни, ограничивающие таким образом место захоронения и придающие сооружению законченный вид.

Иногда в качестве таких «торцевых» камней были использованы естественные скальные выходы, в изобилии существующие на площадке могильника, к которым были пристроены надмогильные сооружения. В подавляющем большинстве случаев оградки имели стандартные размеры — около 2 м в длину и 1–1,3 м в ширину по внешнему периметру. Складывающие их валуны залежали непосредственно под дерном, на минимальной глубине, края многих из них были заметны на современной поверхности.

Я уже упоминал, что до раскопок в Кюлялахти подобного рода каменные оградки были известны на карельских могильниках. Например, кладбище в Тенхола Часовеская горка, где Т. Швиндт раскопал четыре погребения в каменных оградках, правда, безынвентарных [Schwindt 1893: 107–108; Кочкуркина 1981: 105 (№ 124)]. Этот могильник расположен всего лишь в 4 км по прямой на восток от Кюлялахти и, несомненно, демонстрирует наличие единой погребальной традиции в регионе. Также в 2001 году над погребением № 1 в могильнике Укуниэми Паппинниэми на современной территории Финляндии, рядом с современной государственной границей, было обнаружено похожее надмогильное сооружение [Laakso 2003: 148]. Учитывая результаты раскопок в Кюлялахти, можно констатировать, что такой обряд погребения был характерен для позднесредневекового населения

Приладожской Карелии. На Карельском перешейке подобные сооружения пока не известны.

В количественном отношении надмогильные сооружения из камня на могильнике Кюлялахти зафиксированы над более чем половиной из раскопанных погребений. Они известны как над мужскими и женскими, так и над детскими могилами. Наряду с этим имелись погребения как взрослых индивидуумов, так и детей, над которыми подобные оградки не были сделаны. Такие погребения сконцентрированы по краям площади могильника, у склонов холма.

По сути, такой погребальный обряд полностью соответствует так называемым «жальничным» захоронениям, широко распространенным в Новгородской земле и на ряде сопредельных территорий.

СПОСОБЫ ОБРАЩЕНИЯ С ТЕЛОМ УМЕРШЕГО

Как уже было отмечено, из 93 погребений могильника 91 представлено захоронением по обряду ингумации (рис. 10, 11). Кремациями были только погребения № 2 (раскопки 2006 года) и № 92 (раскопки 2009 года) (см. главу III). Важно отметить, что эти погребения могут считаться отдельными комплексами в определенной мере условно, в силу относительной компактности залегания кальцинированных костей. В случае погребения № 2 компактное гумусированное пятно с кальцинированными костями было локализовано между погребениями № 1 и 3 и было частично ими нарушено. В скоплении были обнаружены две (одна во фрагментах) тонкие бронзовые скобки, назначение которых не вполне ясно (рис. 17). В случае с погребением № 92 кальцинированные кости компактно залегали в пятне интенсивно темного гумуса со значительной примесью мелких камней, керамики и шлака (рис. 117). При расчистке данного объекта была обнаружена железная стрела — срезень (рис. 122). В каждом из случаев археологический контекст не позволяет однозначно утверждать, что это именно погребения, а не сохранившиеся участки поселения предшествующего периода. Кроме того, сохранившиеся по всей открытой раскопками площади каменные выкладки в виде сплошного горизонта мелких камней, среди которых было много камней со следами пребывания в огне, позволяют утверждать, что здесь до начала функционирования могильника с ингумациями существовал могильник с трупосожжениями. Не исключено, что погребения № 2 и 92 относятся к более раннему периоду. Этот вывод полностью подтверждается данными радиоуглеродного анализа образца угля из погребения № 92: 820 ± 25 (SPb-136) / 1170–1265 календарных лет н. э. (вероятность 95,4 %) (рис. 129—SPb-136)¹.

¹ Здесь и далее калибровка радиоуглеродных дат осуществлялась в программе OxCal 3.10 [Bronk Ramsey 2005: 57–64].

ГЛУБИНА МОГИЛЬНЫХ ЯМ

Глубина могильных ям является важным элементом для характеристики погребальной обрядности могильника Кюлялахти. В подавляющем большинстве случаев она не превышает 0,5 м от современной поверхности, не изменившейся за прошедшие несколько веков. Это обусловлено естественными причинами, а именно — близким к поверхности уровнем залегания твердых коренных пород. Фактически погребения, особенно в случаях, когда отсутствовало надмогильное сооружение из камней, залегали непосредственно под дерном (рис. 10).

В этом случае возникает естественный вопрос о причинах, побудивших людей, живших здесь в позднем Средневековье, выбрать именно этот холм для места родового кладбища. Очевидно, важным фактором стали ландшафтные условия — господство холма над прилегающей долиной и его ориентировка на водную поверхность залива Ладоги. В процессе раскопок могильника, помимо находок погребений по обряду трупосожжения, было обнаружено достаточно большое количество артефактов — бус и металлических изделий, относящихся к более раннему времени (рис. 125; см. главу III). Вряд ли люди в XIV веке и позднее не обращали на это внимания, когда использовали выбранную территорию под свое кладбище. На наш взгляд, невозможно предположить, что выбор холма Калмистомяки был продиктован только удобством его расположения в ландшафте. Наоборот, здесь весьма затруднительно выкопать относительно глубокую могильную яму, и определяющим при выборе этого места было знание о нахождении здесь более раннего могильника. При этом несомненно, что кладбище Кюлялахти не являлось рядовым сельским могильником (фин. *kyläkalmisto*), а было значительным центральным некрополем, где, вероятно, были погребены представители не рядового населения, по крайней мере, в центральной его части.

В этой связи представляется важным отметить, что небольшая глубина могильных ям была характерна и для карельских грунтовых могильников предшествующего периода, известных в первую очередь по раскопкам Т. Швиндта [Schwindt 1893: 51]. Она колебалась от 0,2 до 1 м. Более глубокие могильные ямы стали характерны для кладбищ XVI—XVII веков, известных по новейшим раскопкам в Юго-Восточной Финляндии, Укуниэми и Каускила, когда уже были несомненными существенное церковное влияние и контроль над погребальной обрядностью.

ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА КЮЛЯЛАХТИ

Из 91 погребения по обряду ингумации 47 были совершены в гробах, 4 (детских) — в колоде, выдолбленной из одного бревна. Возможно, это число может быть гораздо больше, но крайне низкая степень сохранности, а также тяжелый каменистый грунт во многих случаях не позволяют проследить наличие гробовища. Гробы были сделаны из досок толщиной, видимо, до 2 см,

длиной и шириной в зависимости от пропорций тела умершего. В ряде случаев, например в погребении № 3, удалось установить, что гроб имел в плане трапециевидную форму с расширением в районе головы погребенного (рис. 13). В подавляющем большинстве случаев было установлено, что гроб имел крышку. Обычно ее следы прослеживались поверх костей или артефактов в погребении. Также гробы имели дно, остатки которого прослеживались соответственно под костями или артефактами в погребении.

Все гробовища были сделаны без использования гвоздей. Углы таких гробов либо скреплялись шипами, либо связывались берестяными лентами. Такая черта характерна для погребальной обрядности именно православного населения Восточной Карелии, что археологически было прослежено при раскопках могильника Алозеро XVIII–XIX веков [Хартанович, Шахнович 2009: 104–109]. Использование такой технологии скрепления углов, а также крышки гроба известно в Карелии по этнографическим материалам [Paulaharju 1924: 84; Konkka 1895: 54].

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БЕРЕСТЫ

Еще одной характерной чертой погребальной обрядности могильника Кюлялахти являлось выстилание дна гробовища берестой, а также зафиксированное в нескольких погребениях покрытие берестой тела умершего и даже гробовища с внешней стороны. В погребении № 1 фрагмент бересты был обнаружен на нагрудной подвеске (рис. 13). Установлено, что в погребении № 30 тело погребенной было покрыто берестой, сохранившейся на артефактах (рис. 46b, 49). То же обстоятельство установлено для погребений № 61 и 63, где также зафиксирован факт выстилания дна гробовища берестой (рис. 96). Очевидно, что это достаточно распространенная практика в погребальной обрядности данного могильника. К сожалению, степень сохранности не позволила проследить ее в большем числе случаев.

Использование бересты в карельских грунтовых погребениях зафиксировано и в памятниках предшествующего периода. В одних из наиболее богатых могил — № 1 и 3 — в могильнике Кекомаки Т. Швиндт обнаружил большие фрагменты бересты на артефактах, окрашенных в красный цвет [Schwindt 1893: 187]. Фрагменты бересты были найдены также в ряде погребений как в Восточной, так и в Западной Финляндии [Cleve 1978: 82; Lehtosalo-Nilander 1982: 35]. В целом, такая традиция хорошо известна в средневековых погребальных памятниках Фенноскандии и севера Восточной Европы. Она также прекрасно известна по этнографическим материалам различных народов лесной зоны [Konkka 1985: 66; Karjalainen 1918: 110; Zachrisson 1985: 187].

В погребении № 30 между костяком, артефактами и дном гробовища в процессе расчистки и консервации в лабораторных условиях комплекса сложносоставной поясной подвески были обнаружены хорошо сохранившиеся листья березы. Очевидно, свежесрезанными ветками березы было

также выстлано дно гробовища. Они смогли сохраниться только благодаря расположению рядом бронзовых артефактов, в первую очередь оковок ножен. Вряд ли следует полагать, что это был единичный случай в погребениях данного могильника. Традиция выстилания дна гробовища ветками березы хорошо известна по этнографическим материалам, а также в единичных случаях в погребениях.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ САВАНА

В некоторых случаях, преимущественно в женских погребениях, на бронзовых или серебряных украшениях или крупных железных предметах были зафиксированы следы текстиля (в погребении № 1 на бронзовой нагрудной привеске, № 3, 13 и 30 — на бусинах многобусинных височных колец, в последнем случае также и на железной копоушке) (рис. 50). Можно предполагать, что тела погребенных были обернуты в материю, от которой сохранились небольшие фрагменты или только отпечатки на артефактах.

РАСПОЛОЖЕНИЕ ТЕЛА УМЕРШЕГО

Во всех случаях, когда были расчищены даже минимально сохранившиеся кости, реконструировать положение тел умерших было возможно. В могильнике Кюлялахти все погребенные были расположены в вытянутом положении на спине. Руки в тех случаях, когда сохранялись кости плеча и предплечья, обычно были скрещены либо на груди, либо в районе таза (рис. 11). В двух случаях (в погребениях № 36 и 90) была зафиксирована ситуация, когда кисть правой руки находилась возле черепа погребенного, то есть рука была согнута в локте (рис. 59, 118). Вполне вероятно, что перемещение костей произошло в процессе разложения тела. Исключением является погребение № 4 (детское), где руки были вытянуты вдоль тела, но здесь ребенок был буквально втиснут в короткую и узкую яму так, что кости таза и позвоночный столб оказались смещены в сторону грудной клетки (рис. 20). Поэтому такое положение рук могло оказаться случайным, а не преднамеренным. Также в погребении № 19 кости правой руки были расположены вдоль тела, левой — в области таза (рис. 41). Здесь рука также могла сместиться в процессе естественного разложения тела. Такая же ситуация зафиксирована для погребения № 25 и, возможно, № 78 (рис. 20, 108). Единственным достоверным исключением является хорошо сохранившееся погребение мужчины № 70, где руки были вытянуты вдоль тела. Но это погребение было безынвентарным и находилось на периферии могильника (рис. 102).

ОРИЕНТИРОВКА ПОГРЕБЕНИЙ

Ориентировка тел погребенных относительно сторон света традиционно считается одним из важнейших культурообразующих элементов, ей уделяет-

ся большое внимание при анализе материалов погребальных памятников. В науке также распространено мнение о том, что для погребальных памятников Карелии в частности и Восточнобалтийского региона в целом изменение ориентировки погребенных связано с процессом христианизации. Для подавляющего большинства погребений могильника установлена юго-западная ориентировка (азимут от 240° до 260°). Западная или приближающаяся к западной ориентировка (азимут от 260° до 280°) установлена для погребений № 1, 3, 79, 84, 85 и 86 (рис. 11). Естественно, границы между представленными выше значениями в ориентировках более чем условны. Единственным исключением для всего некрополя является погребение № 69, которое ориентировано головой на северо-запад (азимут 302°) (рис. 101). Но данное погребение, видимо, было потревожено в процессе функционирования могильника, возможно, кости его были перемещены.

Таким образом, ориентировка погребенных в могильнике Кюлялахти стандартизирована: все значения расположены в западном секторе, с большим тяготением к юго-западу. Это достоверное свидетельство устойчивой погребальной традиции.